

На раннем этапе творческого пути Р. М. Рильке испытал влияние лирики и эстетических воззрений С. Георге, который был известным поэтом и теоретиком искусства, когда австрийский гений делал свои первые шаги на литературном поприще. «Яблонево сад» Рильке содержит явные отсылки к циклу Георге «Год души», становится своеобразным творческим диалогом австрийца с вождем немецких символистов. Если начальные строфы «Яблоневого сада» можно воспринимать в качестве обыгрывания мотивов (возможно, даже как пародию) из стихотворения «Приходи в парк, названный мертвым», то в заключительных строфах австрийский символист отчетливо маркирует границы между своим поэтическим миром и ранней георгеанской лирикой и открывает новые горизонты.

Библиографический список

1. David, C. Stefan George. Sein dichterisches Werk / C. David. – München: Carl Hanser Verlag, 1967. – 531 S.
2. Rilke, R. M. Briefe aus den Jahren 1906 bis 1907 / R. M. Rilke; hrsg. von R. Sieber-Rilke und C. Sieber. – Leipzig: Insel, 1930. – 332 S.
3. George, S. Gesamt-Ausgabe der Werke: in 18 Bd. / S. George. – Berlin: Georg Bondi, 1928. – Bd. 4: Das Jahr der Seele. – 136 S.
4. Rilke, R. M. Sämtliche Werke: in 6 Bd. / R. M. Rilke. – Leipzig: Insel, 1955–1966. – Bd. 1. – 1150 S.

Курмелев Антон Юрьевич

*канд. филол. наук, доцент (Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия)
a.kurmelev.lunn@mail.ru*

ЛОКАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ РУССКОГО КУЛЬТУРНОГО МИРА В ПЬЕСЕ ТЕННЕССИ УИЛЬЯМСА «ЗАПИСНАЯ КНИЖКА ТРИГОРИНА»

В статье исследуются формы присутствия элементов русской концептосферы и чеховской «Чайки» в пьесе Т. Уильямса «Записная книжка Тригорина».

Ключевые слова: Теннесси Уильямс, «Записная книжка Тригорина», А. П. Чехов, «Чайка», концепт.

Творческое наследие выдающегося русского писателя А. П. Чехова, безусловно, оказало значительное воздействие на множество американских авторов. В частности, в сфере американской драматургии Теннесси Уильямс выделяется как один из тех, кто постоянно говорил о Чехове как о своем учителе, постоянно читал и перечитывал его пьесы... был Теннесси Уильямс». Именно в его творчестве, «более, чем в произведениях других драматургов, говоривших о влиянии великого русского писателя, мы находим последовательное освоение чеховских традиций, которое проявляется на разных уровнях» [1, с. 39]

Пьеса Чехова «Чайка» оказала значительное влияние на творчество американского драматурга, и Теннесси Уильямс на разных этапах своего развития находил в её персонажах отражение своей собственной личности. Американский драматург постоянно размышлял о возможности адаптации чеховской «Чайки» для американской сцены, однако лишь в 1970-х годах он начал тщательно работать над созданием своей версии. В конечном итоге, произведение

под названием «Записная книжка Тригорина» было завершено им в последние годы жизни.

Стремясь передать идейное содержание значимой русской пьесы американскому зрителю, Теннесси Уильямс неизбежно столкнулся с трудностями в передаче как уникального местного колорита, так и ключевых концептов русского культурного мира. В краткой авторской заметке, служащей своеобразным эпиграфом к «Записной книжке Тригорина», американский драматург выделяет ключевое отличие между русской классической пьесой и своей интерпретацией чеховского произведения. Его утверждение о том, что американский «театр должен кричать, чтобы вообще быть услышанным» [2, р. XXIII], находит прямое отражение в структуре пьесы. Теннесси Уильямс, среди прочих приемов, сближающих русскую пьесу с американской аудиторией, заставил персонажей Чехова кричать в буквальном смысле, что позволило актуализировать концепт «directness», играющий ключевую роль и являющийся важной ценностной составляющей в американской культуре, и одновременно разрушить чеховский подтекст – основную черту художественного мира русского драматурга.

Трансформация чеховских образов порой происходит независимо от замысла Теннесси Уильямса. Это особенно заметно, когда в фокусе оказываются самобытные русские идеи. Наглядный случай – концепт «усадьба», который в английском переводе трансформируется в «estate» – аналогичный концепт, но отражающий особенности американской действительности, в первую очередь, южных регионов. Другие подобные изменения, переносящие из одной культурной сферы в другую, коренятся в таких значимых для русской культуры терминах, как «тоска» (у Теннесси Уильямса – «melancholy»), «нахальство» («insolence») и «сглаз» («bad luck»).

Основные элементы русской концептосферы, такие как «душа» и «тоска», которые, по мнению А. Вежицкой, отражают «в наиболее полной мере особенности русского национального характера» [3, с. 33], зачастую отсутствуют в произведении Теннесси Уильямса, поскольку они остаются непонятными как самому драматургу, так и американскому обществу в целом. Духовные аспекты «Чайки» Чехова утрачивают своё значение, уступая место материализму, который является одной из ключевых ценностных ориентаций американского общества. Для русских же материализм ассоциируется с меркантилизмом и вызывает отрицательную реакцию, а порой и осуждение.

Еще один момент, который отличает восприятие жизни героев пьесы Теннесси Уильямса и их русских прообразов, касается противопоставления «чувство – разум». В «Записной книжке Тригорина» доминирует рациональное мышление, характерное для западной, особенно американской, культуры. В поведении чеховских персонажей наблюдается пассивность, «неагентивность – ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена» [3, с. 34], которая тесно связана с концептами «фатализм», «смирение», «покорность». В пьесе Теннесси Уильямса смирение и фатализм, характерные для русской ментальности, сменяются западной предприимчивостью. Персонажам Чехова гораздо значимее поддерживать гармоничные отношения с другими, избегая конфликтов, даже если это наносит ущерб справедливости, которая для них имеет большое значение. Герои же американской пьесы склонны к решительным поступкам ради собственного благополучия.

Пьеса Теннесси Уильямса «Записная книжка Тригорина» – это не адаптация в привычном понимании, а скорее своеобразная интерпретация «Чайки», воплощающая визионерский взгляд Уильямса на чеховское наследие, самостоятельное произведение, глубоко пронизанное любовью и уважением к творчеству А. П. Чехова. Теннесси Уильямс создал не упрощённую версию для англоязычного зрителя, а переосмыслил чеховский сюжет и язык, переведя его на американский культурный контекст, создав при этом совершенно оригинальную пьесу, сохранившую глубину и эмоциональную силу первоисточника, но обладающую собственной уникальной атмосферой и художественным решением.

Библиографический список

1. Шамина, В. Б. Пути развития американской драмы: истоки, типология, традиции. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, представленной в виде монографии / В. Б. Шамина. – Казань, 2007. – 52 с.
2. Williams, T. The Notebook of Trigorin / T. Williams. – New York: New Directions, 1997. – 98 p.
3. Вежицкая, А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 411 с.

Лазутин Руслан Сергеевич

*соискатель (Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия)
lazutin-r@mail.ru*

СИМВОЛИКА В РОМАНЕ Э. М. ФОРСТЕРА «КОМНАТА С ВИДОМ»

В статье рассматривается символика в романе английского писателя Э. М. Форстера в контексте поэтики модернизма.

Ключевые слова: *символ в художественном мире романа; Э. М. Форстер; модернизм; «Комната с видом».*

Первые семь глав романа «Комната с видом» («A Room with a View», 1908), действие которых происходит в Италии, были написаны в начале литературной карьеры английского писателя Эдварда Моргана Форстера (1879–1970). Последние тринадцать глав были завершены в 1907 году, после того, как был опубликован роман «Куда бояться ступить ангелы» («Where Angels Fear to Tread», 1905). Идея романа «Комната с видом» возникла у автора в Италии, во время его путешествия с матерью по этой стране. Первые заметки были сделаны в начале 1902 г. [1, р. 31]. Название этого романа уже символично, и, по мнению английского исследователя Г. Оливера, этот символ был использован в ранней новелле Форстера «Паника» (1904).

В «Комнате с видом» развивается тема конфликта между Италией и Англией, уже поставленная в романе «Куда бояться ступить ангелы». В этих романах Форстер описывает два хронотопа: Италию и Англию, сопоставляя наиболее контрастные, по его мнению, отличия, и именно на этом он создает эффект драматизма и выразительности этих книг. Италия Форстера, прекрасно изображенная в «итальянских» произведениях, – это нечто большее, чем просто другая страна, это мощное влияние, образ жизни. В обоих романах Форстер предлагает к рассмотрению национальные коды людей через пространство, в частности, изображая итальянцев, как «других», людей с другим мировоззрением.